

АДАПТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Рассматриваются адаптационные аспекты процесса аграрно-крестьянской модернизации Сибири конца XIX – начала XX в. Источниковой базой исследования избраны подворные материалы Томской губернской сельскохозяйственной переписи 1901 г. Они изучены на основе математико-статистических методов корреляционного и многомерного факторного анализа. Земледельческое хозяйство региона имело мощный социально-природный потенциал. Он включал в себя до трети всех экономических и социально-культурных ресурсов хозяйства и являлся одним из главных движущих факторов процесса аграрной модернизации сибирского края.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство Сибири; адаптивный потенциал; аграрная модернизация.

На рубеже XIX–XX вв., с проведением Сибирской железной дороги, мелкотоварное крестьянское хозяйство сибирского края включилось в систему общероссийского капиталистического рынка. Это резко ускорило процесс его модернизации.

Проблема аграрной модернизации получила широкое освещение в сибиреведении. В советское время она рассматривалась в исследованиях по истории капиталистического развития экономики сибирской деревни [1–7]. В постсоветской историографии в целом утвердился социокультурный подход, и проблема экономической модернизации крестьянского хозяйства региона в основном рассматривается на его основе [8–12]. В настоящее время на первый план сибиреведческих аграрных исследований выдвинулась ключевая проблема выяснения глубины рыночной модернизации традиционного крестьянского хозяйства, требовавшей его приспособления к различным социальным и экономико-природным условиям Сибири. Она по-прежнему недостаточно разработана. Особенно требуют изучения адаптационные аспекты аграрно-крестьянской модернизации.

Актуальность адаптационной проблематики обусловлена также системным характером социокультурной методологии исследования. Согласно ей крестьянское хозяйство являлось экономико-культурной системой. Поэтому постичь сущность его социально-культурной, экономической природы и эволюции возможно лишь при целостно-системном подходе. Его суть в том, что крестьянское хозяйство рассматривается не только со стороны его отдельных компонентов (землепользование, производственно-техническая база, рабочие ресурсы и т.д.), но и в их взаимодействии, образующем новое целостно-интегративное качество, представленное внутренней структурой, способом организации компонентов, их функциями, а также с учётом места и роли крестьянского хозяйства в общественных системах более высокого порядка (аграрный строй в целом и т.д.) и его отношений с социальной и природной средой [13. С. 356–377]. Системный подход, таким образом, прямо указывает на проблему социокультурной адаптации земледельческого хозяйства к внешней – природной и модернизирующей социальной – среде как на одно из самых перспективных направлений научного исследования аграрной модернизации.

Современная культурология под культурной адаптацией понимает «приспособление человеческих со-

обществ, социальных групп и отдельных индивидуумов к меняющимся природно-географическим и историческим (социальным) условиям жизни посредством изменения стереотипов сознания и поведения, форм социальной организации и регуляции, норм и ценностей, образа жизни и элементов картины мира, способов жизнеобеспечения, направлений и технологии деятельности, а также номенклатуры ее продуктов, механизмов коммуникации и трансляции социального опыта» [14. С. 15]. Социальная культура сама является универсальным общественным адаптивно-адаптирующим механизмом [22. С. 25]. Поэтому культура отдельной социальной группы обладает самостоятельным потенциалом гармонизации отношений с внешней средой. Адаптивный потенциал – это мера мощности субъективной социальной культуры в отношении возможных адаптаций. Он включает в себя «совокупность свойств, качеств, характеристик» (ресурсов), существующих у адаптанта в скрытом виде и «задействуемых», т.е. актуализируемых в ходе адаптации, и складывается из двух векторов: способности к сопротивлению среде с ее последующей перестройкой «под себя» и способности к ассимиляции средой с последующим поглощением ею [17. С. 401–402]. Адаптивное моделирование дает возможность построить концепцию, раскрывающую механизм и содержание социокультурного развития (модернизации) крестьянского хозяйства как социально-субъектной формы аграрно-экономической культуры [14–18 и др.].

Адаптационное направление получило в современном крестьяноведении Сибири достаточно широкую историографию [13, 19–23 и др.]. Вместе с тем в опубликованных к настоящему времени исследованиях главное внимание уделялось духовно-ментальным и материально-бытовым аспектам крестьянской культуры. Адаптивные аспекты социокультурного развития и модернизационного потенциала земледельческого хозяйства края практически не рассматривались. В этой связи данные вопросы оказались в центре внимания автора настоящей работы. Её главной целью и задачей является определение адаптационных подсистем и адаптивного потенциала модернизации крестьянского хозяйства Сибири на рубеже XIX–XX вв.

Крестьянское хозяйство, будучи социокультурной системой, выступало в экономическом процессе как реализующий свои духовные, материальные интересы

и цели хозяйственный субъект. Деятельность хозяйствующей крестьянской семьи выражалась в форме функционирования и развития особым образом упорядоченной экономической культуры, определяемой исследователями как система хозяйствования. Она обеспечивала удовлетворение личных и производственных потребностей семьи. Производственный уклад в социокультурном аспекте проявлял себя как подсистема материально-производственной культуры. Духовная сторона экономической культуры – хозяйственный менталитет и конкретные трудовые традиции – включена в уклад в качестве скрытых факторов, участвовавших в формировании внутренней структуры крестьянского хозяйства.

Крестьянская хозяйственная культура имела традиционный характер. Система традиций обеспечивала её целостность и устойчивость. Ведущую роль в обеспечении экономической стабильности патриархального крестьянского хозяйства исполняли его традиционные адаптационные подсистемы. Главными социальными носителями вековой земледельческой культуры, а также базисом её функционирования, воспроизводства и развития были община и составлявшие её хозяйствующие крестьянские семьи. Крестьянская культура несла в себе и новаторские элементы, адаптивные структуры, которые создавали возможности её развития, модернизации и приспособления к изменившейся внешней среде. Культурно-хозяйственная адаптация крестьянства к меняющимся природным и социальным условиям жизни происходила путём модификации стереотипов, норм, установок сознания, поведения и модернизации форм общественной организации, регуляции и стратегии социально-экономической деятельности.

В свете характеристики общих свойств земледельческой культуры стало возможным дать социокультурную трактовку содержания модернизации крестьянского хозяйства. Под модернизацией современные исследователи понимают всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу [26. С. 3]. Основанное на традиционной культуре крестьянское хозяйство обеспечивало устойчивое удовлетворение семейных потребностей и являлось стабильной экономико-культурной системой. Следовательно, функционируя и развиваясь в современных рыночных условиях, крестьянское хозяйство имело возможность самостоятельно модернизироваться лишь на собственном базисе путём выработки адаптационных инновационных подсистем, создававшихся на основе рационализации традиционных экономических структур. Инновационные подсистемы формировались на всех уровнях традиционной экономической культуры. Ведущее значение имели модификация ценностно-трудового ядра хозяйственного менталитета и зарождение начал расчётливости, индивидуализма. Рационализированная подсистема традиционной ментальности являлась «руководством» для социально-рыночной модификации трудового процесса семейных работников, формирования инновационной, рыночно-капиталистической производственной подси-

стемы земледельческого хозяйства и выработки стратегии его развития.

В начале XX в. крестьянское хозяйство Западной Сибири включилось в систему общероссийского рынка. Это вызвало в земледельческом хозяйстве процесс формирования инновационной рыночно-капиталистической системы хозяйствования. Внутренний строй крестьянского хозяйства, таким образом, сформировали взаимодействовавшие традиционная и рыночно-капиталистическая системы хозяйствования, а также адаптационные подсистемы. Традиционную хозяйственную культуру составляли натуральный и мелкотоварный уклады и адаптационная подсистема. Они совместно образовывали единый хозяйственный комплекс и целиком базировались на выработанном веками крестьянском экономическом менталитете и коллективном трудовом опыте. Современная адаптивная рыночно-капиталистическая культура являлась, по сути, модернизированной подсистемой традиционного мелкотоварного уклада, которая приспособляла крестьянское хозяйство региона к реалиям современного народного хозяйства страны.

Для осуществления целостно-системного подхода к анализу крестьянского хозяйства использовался хорошо разработанный метод корреляционного моделирования его внутреннего строя. В его основе – парный линейный коэффициент корреляции [23. С. 137–174].

В формировании корреляционной структуры крестьянского хозяйства участвовала определённая совокупность общих факторов – скрытых обобщённых характеристик, обусловивших взаимосвязанность отдельных групп «внешних» наблюдаемых показателей. Для выявления общих факторов (подсистем хозяйства) используется многомерный факторный анализ. Он также даёт ключ к их содержательному истолкованию, оценивает их сравнительную роль в воздействии на отдельные комплексные показатели и на внутренний строй хозяйства в целом [Там же. С. 276–280; 283–287].

По существу, скрытые обобщённые характеристики (общие факторы) выражают влияние внутривоспроизводственных и внешних – природных и социальных – факторов на социально-экономический строй земледельческого хозяйства. В результате их воздействия на внутреннюю структуру хозяйства в ней образовывались экономические и социальные подсистемы, представлявшие собой отдельные группы тесно взаимосвязанных групп показателей. Существенное место среди них заняли социальные и природные адаптационные подсистемы. Изучение взаимодействия и сравнительной роли данных подсистем-факторов в формировании, функционировании и развитии деревенской экономики, таким образом, должно позволить определить их социально-природное содержание, структуру и экономическую мощь адаптивного потенциала крестьянского хозяйства Сибири в процессе аграрной модернизации конца XIX – начала XX в.

В качестве источниковой основы исследования избраны подворные материалы Томской общегубернской сельскохозяйственной переписи 1901 г. [24]. Программа обследования отразила практически все

главные стороны крестьянского хозяйства: население, семейную рабочую силу, рабочий и продуктивный скот, посевы и кормовую базу (сено). Эти данные вполне позволяют изучить внутренний производственно-экономический строй западносибирской деревни конца XIX – начала XX в.

Из имеющейся генеральной совокупности подворных сведений были отобраны типические земледельче-

ская (1 888 ед.) и скотоводческая (1 003 ед.) волости [24. Д. 692–698, 700–706, 568–571, 573–576]. Затем из типичских специализированных волостей для обработки на ЭВМ сформированы две случайные выборки, соответственно, в 191 и 168 дворов. Попавшие в данные типически-случайные выборки крестьянские хозяйства были разделены на четыре группы. Уровень хозяйства в различных социальных группах дворов отражен в табл. 1 и 2.

Т а б л и ц а 1

Уровень крестьянского хозяйства земледельческой специализации в различных социальных группах

Показатель (в расчёте на 1 душу)	Группа хозяйств с посевом, дес.				Хозяйства в целом
	0	0,1–3,9	4–8,9	9 и более	
	I	II	III	IV	
Работники, чел.	0,56	0,51	0,54	0,58	0,55
Рабочий скот, гол.	0,2	0,5	0,8	1,7	0,9
Продуктивный скот, гол.	0,3	0,6	0,7	1,6	0,8
Весь посев, дес.	0	0,6	1,25	2,6	1,3
Число дворов в группе	24	49	67	51	191
Доля дворов в группе, %	12,6	25,6	35,1	26,7	100

Т а б л и ц а 2

Уровень крестьянского хозяйства скотоводческой специализации в различных социальных группах

Показатель (в расчёте на 1 душу)	Группа хозяйств с числом коров (гол.)				Хозяйства в целом
	0	1–2	3–6	7 и более	
	I	II	III	IV	
Работники, чел.	0,40	0,48	0,55	0,56	0,52
Рабочий скот, гол.	0,1	0,5	0,8	2,1	1,0
Продуктивный скот, гол.	0	0,45	1,05	2,9	1,3
Весь посев, дес.	0,04	0,55	0,95	1,65	1,0
Число дворов в группе	9	54	57	48	168
Доля дворов в группе, %	5,4	32,2	33,9	28,5	100

Сформированные по данным переписи 1901 г. экономические группы крестьянских дворов были подвергнуты корреляционному и многомерному факторному анализу на предмет исследования их внутреннего экономического строя и определения путем многомерного факторного анализа традиционных и инновационных факторов-подсистем экономической адаптации.

Как показал корреляционный анализ структуры, в большинстве крестьянских хозяйств Сибири была очень высокая степень сбалансированности главных производственных компонентов: посева, рабочих лошадей и продуктивного скота в расчете на двор, душу, работника и производственную единицу (производственные фонды). Взаимосвязи между ними имели значения 0,7–0,8. Это свидетельствует о том, что функционирование и развитие производственно-технической базы земледельческого хозяйства региона определялись воздействием единого внешнего социально-экономического фактора – системы общероссийского аграрного рынка. На определяющее влияние рынка также указывает наличие в абсолютном большинстве дворов примерно одинаковой оснащённости производственными фондами. Данный факт показывает, что абсолютное большинство крестьянских хозяйств имели одинаковые производственные издержки и получали одинаковую (среднюю) прибыль в расчёте на производственную единицу.

Обратимся далее к многомерному факторному анализу внутреннего строя земледельческого хозяй-

ства региона, осуществленному на основе многомерного метода главных компонент (факторов) [25. С. 103–122, 240–244].

Определившие структуру общие факторы выражаются в факторных нагрузках. Факторные нагрузки – это значения коэффициентов корреляции общих факторов с исходными признаками. Взяты вместе, они образуют матрицу (таблицу) факторных нагрузок. Для анализа содержания и интерпретации фактора используют его самые большие факторные нагрузки. В нашем случае это коэффициенты корреляции более 0,700. Отбор главных общих факторов производится последовательно, по мере убывания их вкладов в суммарную дисперсию показателей и прекращается при достижении 70–80%.

Истолкование содержания и функций скрытых общих факторов-подсистем, включая адаптационные, носит концептуальный характер. Вместе с этим существует формальная основа их интерпретации, выражающаяся в наличии сущностной связи между фактором и следом его воздействия на внутреннюю структуру. Общий фактор проявляется в виде сформировавшейся во внутренней структуре крестьянского хозяйства подсистемы, представляющей собой группу тесно взаимосвязанных реальных показателей. Этот след несет на себе отпечаток его природы. Поэтому социально-экономический характер интерпретируемого фактора определяется путем обобщения содержания признаков, вошедших в образованную им подсистему.

Таблица 3

Адаптационные факторы-подсистемы в системе общих факторов, их нагрузки на признаки и вклады в формирование внутренней структуры крестьянского хозяйства сельскохозяйственной специализации

Факторы и входящие в них признаки	Факторные нагрузки на признаки	Вклады факторов в суммарную дисперсию, %
I фактор. Производственно-экономическая мощь хозяйства. Производственная база традиционной системы хозяйствования		28,8
II фактор. Капиталистический рынок. Рыночно-капиталистическая или социально-рыночная, адаптационная подсистема. Капитализированные производственные фонды: 1. Рабочего скота на 1 корову 2. Всего посева на 1 корову 3. Рабочего скота на 1 голову продуктивного скота 4. Посева овса на 1 голову продуктивного скота 5. Всего посева на 1 голову продуктивного скота	0,926 0,898 0,905 0,862 0,919	16,7
III фактор. Природно-хозяйственная, натурально-страховая адаптационная подсистема: 1. Запасов хлеба на 1 двор 2. Запасов хлеба на 1 душу 3. Запасов хлеба на 1 семейного работника 4. Запасов хлеба на 1 голову рабочего скота 5. Запасов хлеба на 1 голову продуктивного скота 6. Запасов хлеба на 1 дес. всего посева	0,966 0,893 0,922 0,963 0,918 0,971	9,2
IV фактор. Природная, рыночно-производственная адаптационная подсистема: 1. Посева овса на 1 голову рабочего скота 2. Всего посева на 1 голову рабочего скота 3. Рабочего скота на 1 дес. всего посева	-0,817 -0,944 0,912	8,6
V фактор. Обеспеченность скота кормами. Кормовая база		7,1
VI фактор. Уровень обеспеченности крестьянской семьи своей рабочей силой. Семейно-трудовые (трудопотребительские) ресурсы		5,1
VII фактор. Демографическая, семейно-трудовая подсистема хозяйства		4,4

Таблица 4

Адаптационные факторы-подсистемы в системе общих факторов их нагрузки на признаки и вклады в формирование внутренней структуры крестьянского хозяйства скотоводческой специализации

Факторы и входящие в них признаки	Факторные нагрузки на признаки	Вклады факторов в суммарную дисперсию, %
I фактор. Производственно-экономическая мощь хозяйства. Производственная база традиционной системы хозяйствования		26,2
II фактор. Капиталистический рынок. Рыночно-капиталистическая или социально-рыночная адаптационная подсистема. Капитализированные производственные фонды: 1. Рабочего скота на 1 дес. всего посева 2. Коров на 1 дес. всего посева 3. Продуктивного скота на 1 дес. всего посева	0,840 0,780 0,836	14,8
III фактор. Природная, рыночно-производственная адаптационная подсистема: 1. Коров на 1 голову рабочего скота 2. Продуктивного скота на 1 голову рабочего скота 3. Рабочего скота на 1 корову 4. Всего посева на 1 корову 5. Рабочего скота на 1 голову продуктивного скота 6. Всего посева на 1 голову продуктивного скота	0,740 0,754 -0,904 -0,772 -0,940 -0,777	9,8
IV фактор. Обеспеченность скота кормами. Кормовая база		9,4
V фактор. Природно-хозяйственная, натурально-страховая адаптационная подсистема: 1. Запасов хлеба на 1 двор 2. Запасов хлеба на 1 душу 3. Запасов хлеба на 1 семейного работника 4. Запасов хлеба на 1 голову рабочего скота 5. Запасов хлеба на 1 голову продуктивного скота 6. Запасов хлеба на 1 дес. всего посева	0,966 0,893 0,983 0,930 0,963 0,764	7,9
VI фактор. Уровень обеспеченности крестьянской семьи своей рабочей силой. Семейно-трудовые (трудопотребительские) ресурсы		5,2
VII фактор. Демографическая, семейно-трудовая, подсистема хозяйства		4,8

Рассмотрим результаты компонентного факторного анализа крестьянского хозяйства в целом, проведенного по подворным данным переписи 1901 г. (см. табл. 3, 4). Ключевую экономическую роль играют первые два фактора, дающие совместно 41–45,5% совокупной дисперсии (влияния) признаков:

во-первых, это фактор производственно-экономической мощи хозяйства, представляющий производственную базу традиционной системы хозяйствования, и, во-вторых, рыночно-капиталистическая или социально-рыночная адаптационная подсистема, выражающая воздействие общероссийского аграрно-

капиталистического рынка. Более широко и целостно систему обобщённых характеристик представляют семь факторов, выражающих 79,9 и 78,2% влияния. Кроме указанных, в более широкую систему факторов дополнительно входят следующие факторные подсистемы: адаптационная природно-хозяйственная, натурально-страховая; адаптационная, природная и рыночно-производственная; кормовая база для скота; семейно-трудовые рабочие ресурсы; семейно-трудовая демографическая (см. табл. 3, 4). Как видно из результатов системного анализа, во внутреннем строе земледельческого хозяйства Сибири на 1901 г. сформировались три адаптивные подсистемы. Они отражали две основных взаимодействовавших хозяйственно-культурных системы крестьянского двора: традиционную семейно-потребительскую и инновационную рыночно-капиталистическую. Природно-хозяйственный натурально-страховой адаптивный фактор, несомненно, представлял традиционную экономическую структуру. Отделившись от нее, самостоятельную инновационно-капиталистическую хозяйственную систему представляла рыночно-капиталистическая подсистема производственных фондов. Природная, рыночно-производственная адаптационная подсистема занимала промежуточное положение. Она функционировала в поле взаимодействия традиционной и инновационной хозяйственных культур.

Ведущее значение имеет первый фактор «производственно-экономической мощности хозяйства», или «производственная база традиционной семейно-трудовой системы хозяйствования», отражающий соответственно по дворам зерновой и животноводческой специализации 28,8–26,2% влияния. В целом фактор производственно-экономической мощности играл системообразующую роль и, безусловно, представляет традиционную, мелко-товарную, семейно-потребительскую основу (подсистему) крестьянского хозяйства региона.

Третий фактор в домохозяйствах зернового направления (влияние 9,2%) и пятая общая характеристика в животноводческих дворах (влияние 7,9%) достаточно прозрачны. Данные факторы включают в себя страховые запасы хлеба во всех рассматриваемых аспектах: на один двор, на одну душу, на одного работника, на одну голову рабочего или продуктивного скота, на одну десятину всего посева. Они представляют традиционно-природную (натурально-страховую) адаптационную хозяйственную подсистему, защищавшую крестьянскую семью и домохозяйство от периодически повторявшихся неблагоприятных (экстремальных) природных явлений – засух, холодов, заморозков, града, нашествий саранчи, грызунов, болезней растений и скота. До середины XIX в. натурально-страховая подсистема носила преимущественно потребительский и производственный характер. В ее основе лежали зависевшие от природных условий неконтролируемые сельским хозяйством излишки над необходимым семейным и производственным потреблением.

Во второй половине XIX в. в сельском хозяйстве Сибири стали широко развиваться мелко-товарные товарно-денежные отношения. С проведением Транс-

сибирской магистрали крестьянское хозяйство региона было включено в состав общероссийского аграрного рынка. Вовлечение экономики сибирской деревни в систему современных аграрно-капиталистических отношений заставило земледельцев усовершенствовать нерациональную натурально-страховую систему запасаемых излишков сообразно новым экономическим условиям.

С целью определения инновационных изменений в традиционной структуре и функционировании натурально-природного фактора проанализируем факторные нагрузки в его подсистеме признаков, выражающие взаимосвязи между самим фактором и данными признаками. Как видно из табл. 3 и 4, наиболее тесно данный фактор связан с запасами хлеба в соответствии с производственными показателями. Факторные нагрузки на них самые высокие (более 0,900). Они для дворов земледельческой и скотоводческой специализации следующие: для запасов хлеба на одно хозяйство (двор) – 0,966 и 0,966; на одного семейного работника – 0,922 и 0,983; на одну голову рабочего скота – 0,963 и 0,930; на одну десятину посева для зерновых дворов – 0,971; на одну голову продуктивного скота для животноводческих дворов – 0,963. Что касается семейно-потребительского показателя «запасов хлеба в расчете на одну душу», то его взаимосвязь с рассматриваемым фактором во дворах обеих специализаций оказалась ниже 0,900: 0,893 и 0,893 соответственно. Это прямо указывает на главенствующую роль в функционировании натурально-страховой адаптивной подсистемы производственной направленности. Запасы зерна пшеницы, ржи и овса использовались, прежде всего, в качестве производственного резерва семян и кормов для рабочего скота. Потребительская функция природно-страховой подсистемы сохранялась, но она получила второстепенное, вспомогательное значение.

Существенным изменением, характеризующим совершившийся на рубеже XIX–XX вв. переход традиционной природно-страховой адаптационной подсистемы в качественно новое состояние, стало резкое повышение уровня сбалансированности природно-адаптивного фактора с показателями резервных зерновых запасов во всех главных аспектах и уровнях внутренней структуры крестьянского хозяйства: подворном, подушевом, организационно-производственном (в расчете на одного семейного работника), производственно-техническом (в расчете на одну десятину посева или на одну голову рабочего или продуктивного скота). Взаимосвязь достигала уровня 0,893–0,971 во дворах зерновой специализации и значений 0,764–0,983 в скотоводческих дворах (см. табл. 3, 4). Высокая внутренняя сбалансированность традиционной адаптивной системы свидетельствует о ее рационализации, сознательно осуществленной крестьянами. В результате природно-страховая адаптационная подсистема приобрела подконтрольный земледельцу характер и стала учитываемым (планируемым) внутривладельческим фактором, обеспечивавшим выживание крестьянского хозяйства региона в новых природно-экономических условиях.

Усовершенствование традиционной природно-страховой адаптивной подсистемы, хотя и являлось серьёзным экономическим шагом в развитии внутреннего строя крестьянского хозяйства региона, тем не менее не удовлетворяло его самые насущные потребности в приспособлении к новым общественным условиям. Новые нужды возникли в связи с вхождением сибирской деревни в систему современных аграрных рыночно-капиталистических отношений. Это вызвало в земледельческом хозяйстве процесс формирования инновационной капиталистической системы хозяйствования. Она сложилась внутри традиционной экономической культуры как её подсистема и являлась адаптационной реакцией крестьянства на разрушающее воздействие современного рынка. Современная рыночно-капиталистическая адаптационная хозяйственная подсистема выражалась в совершенствовании и интенсификации семейного труда, продаже собственной рабочей силы, использовании найма, применении усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря, улучшении систем земледелия и скотоводства и рационализации производственного процесса.

Социальная рыночно-капиталистическая адаптивная подсистема представлена в табл. 3 и 4 вторым фактором (соответственно 16,7 и 18,4% влияния для дворов земледельческой и скотоводческой специализаций). Его выражают тесно взаимосвязанные между собой показатели скота и посева, рассчитанные на одну голову скота или одну десятину всего посева. В зерновой специализации это рабочий скот и весь посев на одну голову продуктивного скота, в животноводческой – рабочий скот и продуктивный скот на одну десятину всего посева. Они отражают сбалансированную, специализированную часть производственных фондов крестьянского хозяйства, порождённую воздействием капиталистического рынка. Сбалансированность данных показателей была очень высокой – на уровне более 0,80. Это свидетельствует о том, что производственно-технический строй хозяйства всех социальных групп крестьянства испытывал регулирующее влияние объективных закономерностей товарно-капиталистического рынка, требовавшего от земледельцев хозяйствовать на уровне общественно-необходимых затрат.

Сформировавшаяся на технической базе традиционного мелкотоварного производства адаптационная рыночно-капиталистическая подсистема являлась основной движущей силой модернизации традиционного крестьянского хозяйства края. Модернизация осуществлялась путём адаптации к требованиям рынка производственно-технической структуры, семейно-трудовой основы хозяйства и использования преимуществ, создаваемых рыночной системой хозяйствования. Главным источником социально-трудовой и производственной модернизации земледельческих хозяйств являлась модифицированная в свете рыночных требований система трудовых духовных ценностей и установок традиционного хозяйственного поведения крестьян. Экономическая модернизация западносибирской деревни в начале XX в. выражалась в развитии торгово-рыночной специализации, рационализации производственно-технической базы и повышении капиталовооружённо-

сти крестьянских хозяйств. В зажиточных дворах она также проявлялась в росте применения хозяйственных инноваций, интенсификации труда семейных работников и использовании труда наёмных рабочих.

Наряду с традиционной природно-страховой и инновационной социально-рыночной подсистемами в крестьянском хозяйстве Сибири на рубеже XIX–XX вв. в поле взаимодействия традиционной и рыночно-капиталистической экономических культур образовалась смешанная по содержанию природная, рыночно-производственная адаптационная подсистема. Ее представляет четвертый фактор в земледельческих дворах (8,6% дисперсии) и третий – в скотоводческой специализации (9,8% дисперсии). В них входят сбалансированные между собой две подгруппы обратно взаимосвязанных показателей производственных фондов, имевших значения (по модулю) от 0,740 до 0,944. В хозяйствах зернового направления это рабочий скот на одну десятину всего посева и весь посев в расчёте на одну голову рабочего скота; в животноводческих дворах – рабочий скот и продуктивный скот, рассчитанные относительно друг друга. Данные показатели свидетельствуют о том, что в земледельческих дворах при вынужденном сокращении производства, вызванном природными бедствиями или падением рыночной конъюнктуры, хозяева в первую очередь стремились сохранить тягловый скот. Это вело к определённой перегруженности фондов рабочими лошадьми. В скотоводческих хозяйствах крестьяне, попав в трудное экономическое положение, стремились оставлять в резерве преимущественно продуктивный скот. В результате в их производственных фондах увеличивалась доля молочного и мясного скота. Излишние производственные фонды являлись универсальным потребительским и рыночно-производственным резервом крестьянского хозяйства региона, который придавал ему дополнительную устойчивость в экстремальных природных и общественно-экономических условиях. Данный фактор можно поделить на две равных части: традиционно-потребительскую (50%) и рыночную (50%).

Формирование новой производственно-страховой защитной системы на рыночно-хозяйственной основе фактически придало ей преимущественно денежный характер. Определяющая роль товарно-денежных отношений в природно-рыночной адаптивной системе, которая активировалась в неблагоприятных природных и экономических условиях, выражалась следующими вариантами ее функционирования. Первый заключался в том, что производственные фонды натурально-потребительской отрасли крестьянского хозяйства (продуктивный скот в зерновых дворах и рабочие лошади в животноводческих дворах) сокращались путем продажи и обращались в денежный капитал, который далее шел главным образом на расширение торгово-рыночной отрасли хозяйства. Согласно другому алгоритму производственные фонды рыночно-специализированной отрасли сохранялись и резервировались, но ее излишняя (над общественно-необходимыми затратами) часть и создаваемые резервы в непроизводственный период также обращались в денежный капитал. В дальнейшем

он вкладывался в развитие рыночной отрасли и общую модернизацию земледельческого хозяйства.

Выявленный механизм функционирования новой природно-рыночной адаптационной подсистемы, сложившийся в крестьянском хозяйстве, не только вытекал из логики развития товарно-денежных отношений, но и непрерывно обеспечивал его устойчивость, давая тем самым импульс к следующему витку рыночной эволюции. С учетом этого можно предположить, что в перспективе с расширением и углублением рыночно-капиталистических отношений в сельском хозяйстве края и с развитием в экономике сибирской деревни массовой ссудно-кредитной кооперации – рыночно-

производственная адаптационная подсистема должна занять ведущее место в обеспечении резервно-страховой, денежно-финансовой безопасности и стабильности товарного земледельческого производства. За традиционной натурально-запасной адаптивной подсистемой должна будет в основном сохраниться лишь потребительская функция защиты семейно-продовольственной безопасности.

Определив социально-природное содержание и функции адаптационных систем крестьянского хозяйства Сибири конца 90-х гг. XIX в. – начала 1900-х гг., можно оценить его адаптивный потенциал. С этой целью обратимся к табл. 5.

Таблица 5

Адаптивный потенциал крестьянского хозяйства Сибири рубежа XIX–XX вв.

Адаптационные подсистемы (факторы)	Доля влияния адаптивных факторов, %	
	Хозяйства земледельческой специализации, %	Хозяйства скотоводческой специализации, %
1. Социально-производственная, рыночно-капиталистическая	16,7	14,8
2. Природно-хозяйственная, натурально-страховая	9,2	7,9
3. Природно-социальная, рыночно-производственная	8,6	9,8
4. Социально-адаптивный потенциал	21,0	19,7
5. Природно-адаптивный потенциал	13,5	12,9
6. Общий адаптивный потенциал	34,5	32,6

Как видно из табличных данных, на рубеже XIX – XX вв. ведущее место в общей системе экономико-культурной адаптации крестьянского хозяйства Сибири к природной и общественной среде занимала социально-производственная, рыночно-капиталистическая подсистема. Ее доля в функционировании и развитии крестьянской экономики региона составляла для дворов земледельческой и скотоводческой специализации соответственно 16,7 и 14,8%. Социальная, рыночно-производственная адаптивная подсистема обеспечивала устойчивое развитие и модернизацию крестьянского хозяйства Сибири в новых условиях единого общероссийского капиталистического рынка. Во дворах зерновой специализации социально-рыночная адаптационная подсистема была мощнее, чем в животноводческих хозяйствах: 16,7 против 14,8%. Земледельческие хозяйства также имели более высокий общий социально-адаптивный потенциал: 21 против 19,7%. Это, несомненно, следствие более высокого уровня рыночного развития хозяйств зерновой специализации.

Длительная эволюция крестьянских хозяйств зерновой специализации по пути развития мелкотоварных рыночных отношений в течение XIX в. и фундаментальная роль растениеводства в сельском хозяйстве края способствовали формированию более сильной, природной, натурально-страховой адаптационной системы, базировавшейся на зерновых резервах: соответственно 9,2 против 7,9% в скотоводческих дворах.

Природная адаптивная подсистема на основе хлебных запасов характерна для зерновой отрасли и поэтому не учитывает роль продуктивного скота в формировании природно-защитной системы адаптации в животноводстве. Прямые данные об этом в полученных многомерных факторных моделях отсутствуют. Есть только косвенное отображение адаптивного значения продуктивного скота в природной части природно-рыночного фактора: 50% от его роли (товарность ско-

товодческих дворов по мясу достигала 50%) [4. С. 169–170]. Это позволяет оценить долю традиционной натурально-страховой подсистемы на основе продуктивного скота в 4,9 и 4,3% для животноводческой и зерновой специализации. Сложившееся преимущество скотоводческих хозяйств в традиционных системах защиты от суровых природных условий сибирского края, а также его высокая рыночная мобильность обусловили их превосходство в природно-рыночной производственной адаптированности (9,8 против 8,6% во дворах земледельческой специализации). Вместе с тем их природно-адаптивный потенциал в целом был меньше, чем в зерновых дворах: 12,9 против 13,5%.

Таким образом, крестьянское хозяйство Сибири к исходу XIX в. накопило огромный социально-природный адаптивный потенциал. На его функционирование и развитие шло до трети (32,6–34,5%) экономических и культурно-хозяйственных ресурсов семейной земледельческой экономики. В предшествующий период – на протяжении XIX в. – в крестьянском хозяйстве края действовала только традиционная система природно-социальной адаптации, основанная на натурально-страховых запасах хлеба и резервах продуктивного и рабочего скота. Эта система защищала семейное потребление, а также производительные фонды семян и маточного поголовья скота от экстремальных природных явлений. Социальная адаптация к товарно-рыночным отношениям осуществлялась сельскими хозяевами путем развития мелкотоварного уклада, интегрированного в традиционную хозяйственную культуру. Влияние традиционных природно-адаптивных подсистем в целом составляло примерно 12,9–13,5%. С вовлечением земледельческих хозяйств сибирского края в рыночно-капиталистические отношения традиционные адаптационные системы были модифицированы: они приня-

ли преимущественно производственный характер и стали опираться на товарно-денежные отношения.

В конце XIX – начале XX в. в процессе интеграции крестьянского хозяйства региона в систему общероссийских капиталистических отношений, в его внутреннем строе, благодаря большому адаптивному потенциалу, была сформирована мощная социальная рыночно-капиталистическая адаптационная подсистема, на функционирование которой шло от 14,8 до 16,7% экономических ресурсов. Она приспособляла производственно-техническую сторону традиционной культуры крестьянского хозяйствования к требованиям и законам рыночно-капиталистического производства и этим способствовала процессу ассимиляции земледельческого хозяйства сибирского края капиталистической народно-хозяйственной системой страны. Ассимиляция, по су-

ществу, представляла собой процесс социокультурной и экономической модернизации крестьянского хозяйства, в котором сельский хозяин выступал как самостоятельный, преследующий свои цели и интересы, социокультурный экономический субъект. Главной целью землепашца являлось удовлетворение личных потребностей семьи и воспроизводство духовной и материальной крестьянской культуры, служившей основой его бытия. Сохранение традиционного социально-общинного, духовно-православного и трудового генотипа русской земледельческой культуры являлось главной социокультурной целью народной крестьянской модернизации конца XIX – начала XX в. Модернизация сельского хозяйства Сибири представляла собой чисто крестьянский тип социальной аграрной эволюции, осуществлявшийся в общинно-кооперативной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.
2. Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.
3. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
4. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX. Новосибирск, 1967.
5. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 3 : Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968. С. 22–24, 173–211, 300–327, 436–447.
7. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск : Наука, 1983.
8. Емельянов Н.Ф., Важенкина Т.Г., Тарасов Н.Л. Курганская деревня при капитализме. Курган, 1993.
9. Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М., 1993.
10. Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство Сибири (конец 1980-х – начало 1940-х годов): Тенденция и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–76.
11. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск, 2009.
12. Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010.
13. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004.
14. Культурология XX в. : словарь. СПб., 1997.
15. Арутюнов С.А. Процессы и закономерности вхождения инновации в культуру этноса // Советская этнография. 1982. № 51.
16. Гуляева Н.В. Основы адаптации : учеб. пособие. М., 1997.
17. Корель Л.В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005.
18. Ромм М.В. Адаптация личности в социуме (Теоретико-методический аспект). Новосибирск, 2002.
19. Адаптация населения в Сибири (Этапы, механизмы, результаты). Новосибирск, 2003.
20. Андусев Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в. (Опыт реконструкции). Красноярск, 2003.
21. Миненко Н.А. Община и трудовые традиции приписных крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Трудовые традиции сибирского крестьянства конца XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1982.
22. Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспеченности русского населения Сибири в XVIII – начале XX века (К постановке проблемы). Новосибирск, 2005.
23. Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984.
24. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 44.
25. Иберла К. Факторный анализ / пер. с нем. М., 1980.
26. Опыт российских модернизаций XVIII – XX века. М., 2000.

Статья представлена научной редакцией «История» 06 января 2015 г.

ADAPTIVE CAPACITY OF PEASANT HOUSEHOLD IN SIBERIA AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 141-149. DOI 10.17223/15617793/393/21

Nikulin Petr F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: K1tat@yandex.ru

Keywords: peasant household; adaptive capacity; agrarian modernization.

At the turn of the 20th century, after the construction of the Trans-Siberian railway had began, small-scale peasant households of Siberia got involved into the system of Russian capitalistic market which abruptly increased the modernization of the former. The issue of agrarian modernization is sufficiently described in Siberia studies. Nowadays the leading role in agrarian study belongs to a key problem of estimating the depth of market modification of a traditional peasant household which demanded household's adaptation to a variety of social, economic and natural characteristics of Siberia. This side of the problem is still not examined closely, especially in the field of adaptive aspects of agrarian modernization. Adaptive aspects of sociocultural development and modernization capacity of agricultural households of this region are practically unstudied. In this regard, these questions are in the central focus of the author's work. The author's main tasks are to determine adaptation subsystems and to estimate adaptive capacity of peasant households in Siberia. The method of correlation modeling of the structure of a peasant household and method of multivariable analysis, aiming to highlight its adaptive subsystems, were used to analyze the economic system of the households. The study is based on the materials of the Agricultural Census of Tomsk Province that was held in 1901. The Census showed all main aspects of a peasant household: population, family labor force, draught animals and dairy cattle, sowing and fodder base. The correlation analysis of the

structure showed that functioning and development of the production and technical base were under the influence of the Russian agrarian-capitalistic market. According to the results of the multivariable analysis, there were three adaptive subsystems in the structure of peasant households in Siberia. The first (market-capitalism or socio-market) subsystem ensured sustainable development and modernization of peasant households in Siberia in the face of new conditions of the Russian single capitalistic market. The second subsystem was a traditional natural (subsistence-insurance) subsystem that protected a peasant household and family from periodical natural hazards. The third, mixed, subsystem was both natural and market-productive. It created production reserves of draught animals and dairy cattle that protected a household against adverse weather, social and market conditions. At the end of the 19th century a Siberian peasant household accumulated a significant socio-natural adaptive capacity. Its functioning and development took up to 1/3 of the economic and cultural resources of agricultural family economy. This adaptive capacity of peasant household became a base for economic modernization of the region.

REFERENCES

1. Sklyarov L.F. *Pereselenie i zemleustroystvo v Sibiri v gody stolypinskoy agrarnoy reformy* [Resettlement and land management in Siberia during the Stolypin agrarian reform]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1962. 587 p.
2. Stepynin V.A. *Kolonizatsiya Eniseyskoy gubernii v epokhu kapitalizma* [Colonization of the Yenisei Province in the era of capitalism]. Krasnoyarsk, 1962. 562 p.
3. Tyukavkin V.G. *Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya* [Siberian village on the eve of the October Revolution]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1966. 471 p.
4. Goryushkin L.M. *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov. Konets XIX – nachalo XX* [Siberian peasants at the turn of the century. Late 19th – early 20th cc.]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1967. 412 p.
5. Goryushkin L.M. *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917 gg.)* [Agrarian relations in Siberia in the period of imperialism (1900–1917)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1976. 342 p.
6. Okladnikov A.P. (ed.) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia from ancient times to the present day]. Leningrad: Nauka Publ., 1968. Vol. 3, pp. 22–24, 173–211, 300–327, 436–447.
7. Goryushkin L.M. (ed.) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983. 400 p.
8. Emel'yanov N.F., Vazhenina T.G., Tarasov N.L. *Kurganskaya derevnya pri kapitalizme* [Kurgan village under capitalism]. Kurgan, 1993. 153 p.
9. Ivantsova N.F. *Zapadnosibirskoe krest'yanstvo v 1917 – pervoy polovine 1918 gg.* [West Siberian peasants in 1917 – the first half of 1918]. Moscow: Prometey Publ., 1993. 352 p.
10. Il'nykh V.A. *Krest'yanskoe khozyaystvo Sibiri (konets 1980-kh – nachalo 1940-kh godov): Tendentsiya i etapy razvitiya* [Peasant farming in Siberia (late 1980s – early 1940s): Trends and development stages]. In: Il'nykh V.A. (ed.) *Krest'yanskaya sem'ya i dvor v Sibiri v XX veke: problemy izucheniya* [Peasants family and household in Siberia in the twentieth century: problems of studying]. Novosibirsk: SB RAS Publ., 1999, pp. 33–76.
11. Nikulin P.F. *Ekonomicheskii stroi krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX v.* [Economic structure of peasant economy of Western Siberia in the early twentieth century]. Tomsk: TML-Press Publ., 2009. 392 p.
12. Razgon V.N., Khramkov A.A., Pozharskaya K.A. *Stolypinskaya agrarnaya reforma i Altay* [Stolypin agrarian reform and Altai]. Barnaul: Altai State University Publ., 2010. 278 p.
13. Koval'chenko I.D. *Agrarnyy stroi Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Agrarian system in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. 504 p.
14. Levit S.Ya. (ed.) *Kul'turologiya XX v.: slovar'* [Cultural studies of the twentieth century: a dictionary]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 1997. 630 p.
15. Arutyunov S.A. *Protsessy i zakonomernosti vkhozheniya innovatsii v kul'turu etnosa* [Processes and patterns of innovation in the culture of an ethnos]. *Sovetskaya etnografiya*, 1982, no. 51.
16. Gulyaeva N.V. *Osnovy adaptologii* [Basics of adaptology]. Moscow: MPhTI Publ., 1997. 108 p.
17. Korel L.V. *Sotsiologiya adaptatsiy: Voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of adaptation: Theory, methodology and methods]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 424 p.
18. Romm M.V. *Adaptatsiya lichnosti v sotsiume (Teoretiko-metodicheskiy aspekt)* [Adaptation of the individual in society (theoretical and methodological aspect)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2002. 173 p.
19. Krasil'nikov S.A., Popkov Yu.V., Shelegina O.N. (eds.) *Adaptatsii naseleniya v Sibiri (Etapy, mekhanizmy, rezul'taty)* [Adaptation of the population in Siberia (Phases, mechanisms, results)]. Novosibirsk: GUP RPO SO Raskhn Publ., 2003. 159 p.
20. Anduysev B.E. *Traditsionnoe soznanie krest'yan-starozhilov Prieniseyskogo kraya 60-kh gg. XVIII – 90-kh gg. XIX v. (Opyt rekonstruktsii)* [Traditional peasant consciousness of Old Timers of the Yenisei area in 1760s – 1890s (Experience of reconstruction)]. Krasnoyarsk: RIO KGPU Publ., 2003. 247 p.
21. Minenko N.A. *Obshchina i trudovye traditsii pripisnykh krest'yan Zapadnoy Sibiri v XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Community and labor traditions of ascribed peasants of Western Siberia in the 18th - first half of the 19th centuries]. In: *Trudovye traditsii sibirskogo krest'yanstva kontsa XVIII – nachala XX v.* [Labor traditions of the Siberian peasants of late 18th – early 20th centuries]. Novosibirsk: NGPI Publ., 1982.
22. Shelegina O.N. *Adaptatsionnye protsessy v kul'ture zhizneobespechennosti russkogo naseleniya Sibiri v XVIII – nachale XX veka (K postanovke problemy)* [Adaptation processes in the culture of the life support of the Russian population of Siberia in the 18th – early 20th centuries (stating the problem)]. Novosibirsk: Sibirskaya nauchnaya kniga Publ., 2005. 189 p.
23. Koval'henko I.D. (ed.) *Kolichestvennye metody v istoricheskikh issledovaniyakh* [Quantitative methods in historical research]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 383 p.
24. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 3. List 44.
25. Ueberla K. *Faktornyy analiz* [Factor analysis]. Translated from German. Moscow: Statistika Publ., 1980. 398 p.
26. Alekseev V.V. (ed.) *Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII – XX veka* [Experience of Russian modernization in the 18th – 20th centuries]. Moscow: Aspekt press Publ., 2000. 246 p.

Received: 06 January 2015